

Л. П. Даниленко
(Феодосия)

Три года в Ереване. Из истории национальной картинной галереи им. И. К. Айвазовского

Данное сообщение посвящено славной дате в истории крымских музеев. 5 ноября 2009 года было отмечено 65-летие возвращения коллекций Национальной картинной галереи им. И. К. Айвазовского из эвакуации. Нам хотелось, чтобы в Армении знали, какой путь проделали картины в годы Великой Отечественной войны. Не только феодосийцы, но и весь мир благодарен Армении за помощь и приют, которые в трудные годы были оказаны музейному собранию из Феодосии.

Национальная картинная галерея имени Ивана Константиновича Айвазовского является одной из главных достопримечательностей Крыма. Точно так же, как знаменитый Лувр является не только музеем Парижа, Эрмитаж не только достояние Петербурга, так и галерея И. К. Айвазовского – это музей мирового значения.

Феодосия – город с двадцатипятивековой историей – гордится памятниками античности и средневековья. В этом городе в разное время жили такие выдающиеся личности, как А. М. Соковнин, А. С. Грин, М. И. Цветаева и многие, многие другие. Но основной и центральной жемчужиной остается Дом художника-мариниста. Чаще всего о Феодосии вспоминают в связи с тем, что в городе есть картинная галерея и что здесь родился Иван Константинович Айвазовский (1817-1900).

Отец И. К. Айвазовского Константин Григорьевич (?-1840), обедневший армянин, занимавший должность базарного старосты, построил дом недалеко от центра, рядом с армянской церковью св. Саркиза и жизненно важным источником – армянским фонтаном. Со двора дома открывался изумительный вид на феодосийский залив, изящную дугу береговой линии.

Младший сын Константина Григорьевича – Иван Айвазовский, блестяще закончивший обучение в Императорской Петербургской Академии художеств, возвратившийся из заграничной командировки, обласканный публикой и критикой, приступил в Феодосии к строительству своего дома. Здание возводил за пределами города, на берегу моря, как загородную дачу, на свои средства и по своему проекту, в котором сказало влияние итальянской архитектуры эпохи Возрождения.

В 1880 году И. К. Айвазовский пристроил к жилому дому Большой Выставочный зал. Этот зал (общая площадь 260 кв. метров) был торжественно открыт в

июле, в день рождения художника. Еще не было знаменитой Третьяковки. В России существовало всего два столичных музея, один в Москве, другой в Петербурге, и появился еще один – в Феодосии! Одним из важных достоинств музея в настоящее время является то, что экспонаты находятся не в старом приспособленном помещении, не в возведенном специально и в наши дни здании, а в доме, где жил и творил художник.

Долгие годы выставочный зал был центром культурной жизни всего Крыма. В этом зале с великолепной акустикой часто звучала музыка, гостями И. К. Айвазовского были великие музыканты А. А. Спендиаров, Г. Венявский, А. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский, артисты столичных драматических театров. Помимо живописных произведений зал украшали скульптуры, некоторые из них сохранились: бюсты М. И. Глинки, А. С. Пушкина, И. К. Айвазовского.

При жизни художника экспозиция зала постоянно менялась. Картины отправлялись на выставки, с выставок не возвращались, их покупали. В 1900 году, в год смерти художника, в доме в основном оставались работы последних лет. И. К. Айвазовский завещал зал со всеми находящимися в нем картинами городу. К началу Великой Отечественной войны (1941-1945) благодаря активной собирательской деятельности Н. С. Барсамова (директора галереи с 1923 по 1962 годы), коллекция с 49 экспонатов достигла цифры 1404.

Сохранились очень ценные архивные документы, рассказывающие об эвакуации картинной галереи: многочисленные телеграммы, газетные сообщения, афиши, пригласительные билеты суровых военных лет. Уже к началу сентября 1941 года стало понятно, что над сокровищами нависла угроза. Николай Степанович и Софья Александровна Барсамовы (директор и главный хранитель галереи) не побоялись взвалить на свои плечи заботу и ответственность за судьбу картин И. К. Айвазовского в самые страшные и суровые годы.

В первые дни войны директору было рекомендовано «отобрать на случай эвакуации наиболее значительные произведения». Как легко было спрятаться за спасительные приказы. Н. С. Барсамов самостоятельно принял другое решение: он подготовил к эвакуации все и заблаговременно, иначе он не смог бы, получив ночью приказ эвакуироваться, на следующий день находиться со своими тяжелыми негабаритными ящиками на борту теплохода «Калинин», уходящего в

Новороссийск.

В 1980 году на юбилее, посвященном 100-летию картинной галереи, присутствовал И. Иванов – бывший капитан теплохода «Калинин». Он вспоминал, как активно откликнулись простые парни, рядовые матросы на просьбу разместить на борту корабля нестратегический груз. Предельно скромный капитан не хвастался тем, что очень рисковал, не выполняя приказ, из-за музейного имущества задерживаясь у причала. В разбитом немцами новороссийском порту капитан, опять нарушая инструкцию, ждал, пока Барсамовы не раздобудут вагон до Краснодара.

Уже в Краснодаре Николай Степанович получил приказ везти картины в Сталинград. Но он опять все сделал по-своему и отправился в Ереван, подальше от беды. Н. С. Барсамов дальновидно заручился официальным приглашением из Армении: «Правительственная. Краснодар Советская 28 Художественный музей директору галереи Айвазовского Барсамову Управление искусств при Совнарком Армении принимает Ваше предложение переводе галереи Айвазовского Ереван прошу ускорить отправку – начальник управления искусств Шагинян».

Директор галереи понимал: если случится трагедия, то виноват будет только он – Николай Степанович Барсамов. Чуть больше месяца продолжалось нелегкое путешествие от Краснодара до Армении.

Николай Степанович был поражен необыкновенной оперативностью, с какой в Ереване были решены все вопросы, связанные с феодосийской галереей. На совещании приняли участие представители правительства, музейные работники, художники, среди которых присутствовал М. С. Сарьян. В Ереване произведения великого мариниста из собрания феодосийского музея показали на выставке. Несмотря на сложную военную обстановку, как и в мирное время, к открытию выставки были подготовлены афиши, пригласительные билеты, создан каталог. О выставке прошла информация в газетах, ее работу зафиксировала киностудия. Сохранились воспоминания о том, что выставку посетил Аветик Исаакян. Софья Александровна приготовила сюрприз армянскому поэту, прочитала его стихотворение на его родном армянском языке.

С большим интересом и внимательно знакомился с шедеврами И. К. Айвазовского М. С. Сарьян. «Романтические бури и кораблекрушения, игра стихий изображенных с блеском и артистизмом не захватили Сарьяна. Его гораздо больше заинтересовали картины последних лет, он был восхищен розово-голубой Мариной «Тихое море» 1899».

Н. С. Барсамов написал: «Нас очень радовало уважительное отношение художников Армении к творчеству Айвазовского. Они видели в нем не только выдающегося мастера, но и одного из основоположников армянской живописной школы».

Познакомив почитателей И. К. Айвазовского с феодосийским собранием, картины упаковали в ящик и подготовили в дорогу, домой, в Феодосию. Ждать

пришлось долго. Акт № 107 музея изобразительных искусств Армении о приеме экспонатов на временное хранение датирован 21 ноября 1941 года: «Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что директор Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского Н. С. Барсамов и научный сотрудник С. А. Барсамова сдали, а Государственный музей изобразительных искусств Армянской ССР в лице директора Р. Г. Дрампяна и зав. отделом учета и хранения Е. Хачатряна приняли на временное хранение 15 упакованных ящиков с экспонатами ФКГА».

Софья Александровна была зачислена в штат музея изобразительных искусств Еревана, а значит «поставлена на довольствие». Была решена бытовая проблема, связанная с жильем и питанием, что было крайне важно в голодные военные годы. Николай Степанович наконец-то получил возможность заниматься творчеством и воспользовался этим в полной мере. Он оставил на память потомкам интерьеры залов Ереванского музея. Интерьер «В Ереванском музее изобразительных искусств. Французский зал» (1944 год), где на фоне работы К. Верне, рядом с «Амуром» Э. Фальконе на столиком сидит С. А. Барсамова, является хорошим подтверждением благодарных слов в адрес ереванских коллег, которые действительно создали идеальные условия для научной работы и художественной деятельности.

В произведении «В Ереванском музее. Итальянский зал» (1942 год) внимание художника привлек слепок «Мадонны с младенцем» Микеланджело, и в глубине барельеф «Мадонны» Донателло. Софья Александровна вспоминала, что картина «писалась долго и с любовью, и потому в ней есть какая-то благоговеющая тишина и ощущение, что знакомишься с работами великих мастеров». При работе над третьим интерьером «В Ереванском музее изобразительных искусств. Голландский зал» (1942 год) мастер позаимствовал манеру любимых голландцев: это и приглушенный колорит, и вид через дверной проем, и воспроизведение картины в дорогой раме, и вазы, и роскошная драпировка красной ткани.

Николай Степанович планировал при первом удобном случае «особо и подробно» написать об исключительном гостеприимстве окружавших их людей, об «удивительном радушии» директора картинной галереи Армении Р. Г. Дрампяна.

Несмотря на относительное благополучие, находясь в глубоком тылу, они мечтали о возвращении в разрушенную Феодосию. 13 апреля 1944 года Феодосия была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Узнав об этом, Барсамовы стали немедленно хлопотать об отъезде. Решение этого вопроса затянулось до сентября 1944 года. Директор феодосийской галереи регулярно, чуть ли не каждый день напоминал о себе, а в ответ получал телеграммы, подобные следующей: «Разрешение эвакуации будет выслано согласованием правительством Крыма срочного восстановления здания музея. Москва, зам. нач. управления по делам искусств при СНК РСФСР Глина».

Только 12 октября из столицы пришла долгожданная весть: «Резьвакуация разрешена. Деньги перечислены 29 сентября. Гюрджан». Уже на следующий день в руках директора Феодосийской галереи имелось распоряжение от начальника Управления комитета искусств З. Вартаняна: «В связи с телеграфным распоряжением... прошу Вашего разрешения о предоставлении картинной галереи Айвазовского одного крытого вагона в первой половине октября для направления груза картин от станции Ереван до станции Феодосия». З. Вартанян лично попрощался с феодосийцами.

Зам. начальника Управления С. Гаспарян выдал Барсамовым очень важный документ: «Выдано директору Феодосийской картинной галереи им. Айвазовского тов. Барсамову Николаю Степановичу и Барсамовой Софье Александровне в том, что они сопровождают груз картинной галереи, реэвакуированной из Еревана в Феодосию. Учитывая огромную ценность картин великого мариниста И. К. Айвазовского, Управление по делам искусств Армянской ССР просит соответствующие организации и ж. д. администрацию оказывать всякое содействие в быстрейшем продвижении груза, так как длительное нахождение ценных картин в пути может пагубно отразиться на их сохранности».

Выехать смогли только после 20 октября. Покидая гостеприимный Ереван, Барсамовы через газету «Коммунист» поблагодарили правительство Армении, предоставившее все условия для хранения картин и для ведения научной работы.

С. А. Барсамова оставила свои воспоминания о последних днях пребывания среди армянских коллег: «Провожали нас очень трогательно. Комендант ереванской галереи Пашик пригласил всех музейных работников на проводы Барсамовых. Никогда ни раньше, ни позже не провожали нас с такой теплотой и душевностью. Получив вагон, в котором разместились наши ящики, получив паек, которым мы потом питались в продолжение года, получив лекарства на случай болезни, попрощались с добрыми людьми, с гостеприимным Ереваном и пустились в обратный путь». Следует отметить, что лекарства пригодились, так как в пути Николай Степанович заболел, Софья Александровна опасалась за его жизнь, о больнице не могло быть речи, оставить картины без присмотра они бы никогда и ни за что не смогли. А по поводу продовольственного пайка, предоставленного ереванцами, то о нем с завистью вспоминали феодосийцы и через 30 лет после войны.

Путешествие из Еревана в Феодосию продолжалось три недели, и, по мнению Барсамовой, оказалось «еще труднее прежнего».

«Возвращение» – так озаглавлен один из разделов книги Н. С. Барсамова «45 лет в галерее Айвазовского». В тексте главы есть строки: «По пути видели печальные следы войны. Ростов, в котором прошло мое детство, выглядел... как пожарище. Все это как бы подготавливало к тому, что ожидало нас в Крыму,

и все же то, что мы увидели при въезде в Феодосию, произвело на нас очень тяжелое впечатление».

В Феодосию прибыли 5 ноября 1944 года. Н. С. Барсамов подробно изложил, что представлял собой город, в котором «все было сметено войной», каким они увидели Дом И. К. Айвазовского. «Жалкое зрелище» представляла галерея не только снаружи, но и внутри. Никакого обещанного «срочного восстановления» не проводилось.

О том, какое большое значение придавалось возвращению коллекций, можно судить по тому факту, что все центральные газеты откликнулись на это событие.

13 декабря 1944 года «Феодосия, 12 (ТАСС) Единственное по полноте собрание картин великого русского мариниста Айвазовского возвращено на родину художника в Феодосию... После капитальных восстановительных работ в Феодосийской галерее, разрушенной немецкими оккупантами, картины будут вновь выставлены для широкого обозрения».

Вот что сообщали «Известия» 17 ноября 1944 года: «По телефону от соб. корр. Картинная галерея всемирно известного художника-мариниста Айвазовского возвращена в Феодосию из Еревана, куда она была эвакуирована перед оккупацией Крыма немцами. Картинная галерея доставлена обратно в полной сохранности... и водворена в прежнее помещение на Приморском бульваре, в дом, где жил и творил Айвазовский. Возвращение картинной галереи, состояющей достопримечательность города, горячо встречено феодосийцами».

Горожане активно откликнулись на призыв отремонтировать здание музея. Автор книги назвал фамилии всех, кто принял в этом хоть малейшее участие.

Значительное место в книге Барсамова принадлежит рассказу об открытии галереи 2 мая 1945 года. На выставке было представлено 168 работ И. К. Айвазовского, в том числе те, которые никогда раньше не выставлялись. То, ради чего преодолевались трудности, свершилось. Самое главное было сделано. Галерея вновь принимала посетителей. Конец войне. В Феодосии победу праздновали чуть раньше. На 2 мая 1945 года был назначен штурм Берлина. Н. С. Барсамов, конечно, не знал о планах командования, открытие было приурочено к 45-летию со дня смерти И. К. Айвазовского. Вместе с феодосийцами, вместе со всей страной радость разделили многие почитатели творчества И. К. Айвазовского, в том числе и армянские друзья. Телеграммы, зафиксированные не на бланках, а на некачественной бумаге, бережно хранятся в фондах галереи. С некоторыми из них мы предлагаем познакомиться:

«Благодарим за внимание. Шлем привет и пожелания здоровья, творческих удач в новом году коллеге музея Армении».

«Союз советских художников Армении искренне поздравляет Вас с открытием выставки Айвазовского, посвященной 65-летию существования картинной галереи тчк Вместе празднуем восстановление музея

тчка Желаем плодотворной работы для окончательного восстановления музея тчка Правление ССХА».

02.05.1945: «Музей изобразительных искусств Армении приветствует возобновление деятельности галереи в родной Феодосии».

03.05.1945: «Сердечно приветствуем Ваш праздник открытия Желаем дальнейших успехов в работе, учебе и жизни Хачатрян».

«Поздравляю праздником, также полным открытием галереи, желаем дальнейшей плодотворной работы, жмем руки. Сусанян».

03.05.1945: «Мыслями, чувствами находимся Вами знаменательный день открытия галереи тчка Сожалею зпт что лично не можем присутствовать Дрампян, Манукян, Дурново».

Так благополучно завершился немислимый путь в Ереван и возвращение в 1944 году из Армении в Феодосию. Всего два человека сопровождали бесценный груз.

Николай Степанович в своей книге «45 лет в галерее Айвазовского» пишет: «Считаю долгом сказать, что мы всегда с теплым чувством вспоминаем воинов Красной Армии и флота, оказавшим нам помощь в самые трудные, критические моменты при выполнении задания по эвакуации». Кроме того, он называл и конкретные имена, например, студийцев, подготовивших картины к эвакуации, среди них: В. Шепель, В. Соколов, С. Мамчиц, А. Лейн, А. Макашев, С. Шкадовский, изготовивший упаковку для картин «из ничего» Л. Аккерман, председатель горсовета Н. Нескородов, молодой инженер Каверин, начальник феодосийского госпиталя Щербаков, капитан теплохода «Калинин» И. Иванов, инспектор Южной железной дороги

А. Александров, директор и главный хранитель краснодарского музея А. Осипова и М. Богоявленский, начальник товарной станции Краснодара, директор ереванского музея Р. Дрампян, начальник управления искусств Армении Шагинян.

Когда читаешь сообщения о спасении той или другой музейной сокровищницы, то чаще всего встречаешь сожаления автора, который в суматохе забыл спросить имя человека, от которого зависела судьба шедевров. Н. С. Барсамов запомнил имена всех, при жизни не уставал их повторять, сколько бы лет ни прошло. И мы с благодарностью называем эти фамилии.

Очень серьезно занимался вопросами спасения музеев в годы войны столичный журналист Евграф Кончин. Он утверждал: «Феодосийская картинная галерея – из числа немногих, кому удалось вывезти не только наиболее значительные произведения, как рекомендовалось соответствующей инструкцией, но все свои художественные работы, всю музейную документацию, весь архив».

Все, кто оказывал содействие, действительно совершали подвиг. Шла война, существовали ее законы. И только сейчас мы по-настоящему понимаем, что помогать было и трудно, и почти невозможно.

И еще один документ. Он подписан контролером-ревизором Министерства финансов Б. Смольским: «Всего было эвакуировано в Армению – г. Ереван 1459 художественных произведения и это же количество обратно, в г. Феодосию, реэвакуировано. Потерь во время эвакуации не было».

Армения сыграла значительную роль в том, чтобы прозвучала эта последняя фраза «потерь во время эвакуации не было».